

**Poetics of Gothic Space in the Story
«A Terrible Vengeance» by Mykola Gogol**

The article discloses the notion of the term «Gothic» and its peculiarities. It accentuates Gothic space, especially its narrative, scenic and psychological aspects and their traditional and non-traditional realization in the story “A Terrible Vengeance” by M.Gogol. The specific characteristics of time are analyzed in the connection with the space, because they are the elements of the Gothic chronotope. The accent is made on the notions of horror; ugliness, fear and their interconnection. Also the article analyzes “the triple effect” of the Gothic composition: secret, suspense and fear, and their realization in “A Terrible Vengeance”.

Key words: Gothic, space, «A Terrible Vengeance», horror, terrible, time, Mykola Gogol.

УДК 821.161.1:82.94-3

Назаренко М.И., к.филол.н., доц.,
Институт филологии КНУ имени Тараса Шевченко

**«АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ» В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД:
ГЕНЕЗИС И ДИНАМИКА ЖАНРА**

В статье рассматривается эволюция жанра альтернативной истории в русской литературе конца 1910-х – начала 1990-х гг. и анализируются факторы, определившие ее развитие.

Ключевые слова: альтернативная история, криптоистория, генезис жанра.

Жанр альтернативной истории неоднократно становился предметом рассмотрения в англоязычном литературоведении – в контексте традиций научной фантастики (НФ), контрфактических исследований и постмодернистской литературы (Б. Макхейл, Э. Весселинг, Дж. Спедо, Л. Долежел [9-12] и др.), однако остается практически неизученным в русском и украинском литературоведении (наиболее содержательные опыты типологического анализа и очерки истории жанра принадлежат не филологам, а любителям [5; 7]; монография Е. Петуховой и И. Черного [2] чрезвычайно неполна как описательно, так и аналитически).

В настоящей работе сделана попытка представить эволюции жанра альтернативной истории в советской литературе с учетом как интертекстуаль-

ных факторов, так и экстралитературных («параллельные ряды», прежде всего идеологический).

Далее под «альтернативной историей» (АИ) понимается художественный текст, описывающий такой возможный мир, в котором некоторые (как правило общезначимые) исторические события произошли не так и с иным результатом, чем в известной нам истории, – иными словами, с отклонением от «энциклопедии» автора и его читателей. (Очевидно, что критерий историчности определяется именно энциклопедией: ср. не только трактовку, но и самый набор фактов, относящихся к Октябрьской революции или началу Великой отечественной войны в возможных мирах советской и постсоветской историографии.)

Мы принимаем разделение АИ на «чистую АИ» и «псевдо-АИ» [7]: в первой изменение исторического процесса вызвано внутренними факторами, во второй – внешним вмешательством (в терминологии теории возможных миров – 1) различные экстенсионалы имеют один интенционал в разных мирах, 2) введение нового элемента в мир меняет все отношения в системе).

Нам представляется эвристически плодотворным определение АИ как «системного индикатора социального дискомфорта» [1], однако, как будет показано далее, АИ советского периода, как правило, служила прямо противоположным целям, подтверждая существующую картину мира.

Первый этап развития жанра в русской литературе приходится на 1917-1927 годы, когда тексты АИ, публиковавшиеся в метрополии и в эмиграции могли принципиально различаться идеологически, но в обоих случаях вопрос о принципиальной многовероятности истории не решался однозначно. Как и в каждую эпоху, в раннесоветские годы можно определить исторические периоды, наиболее интересные для писателей. В данном случае это время наполеоновских войн (что объяснимо постоянными параллелями в публицистике того времени между двумя «Отечественными войнами» – 1812 и 1914 гг.) и недавнее прошлое. К первой группе относятся «Вторая жизнь Наполеона» М. Первухина (1917; Бонапарт после бегства с острова Св. Елены создает империю в Африке) и «Бесцеремонный Роман» В. Гиршгорна, И. Келлера и Б. Липатова (1927; молодой инженер на машине времени переносится в прошлое, меняет ход битвы при Ватерлоо, а затем и всей политической и научной истории мира). Ко второй группе принадлежат «Картонный император» Г. Гайдовского (1924; тираж конфискован) и «Союз тяжелой кавалерии» С. Мстиславского (1929): невозможность реставрации царизма в Советской России доказывается в этих книгах «от обратного». Исключением на первый взгляд кажется роман М. Первухина «Пугачев-победитель» (Берлин, 1924), чье содержание очевидно из названия. Однако эта книга изобраа-

жает бессмысленный и беспощадный бунт как архетип русской революции вообще, а в финале история России возвращается к должному положению вещей [ср. антиутопический роман П. Краснова «За чертополохом» (1921), где такой же возврат мыслится уже в ближайшем, хотя и неопределенном будущем]. Таким образом, уже в первый период развития русской АИ намечается одна из главных ее тем 1960-80-х гг. – неизбежность возвращения истории в некое «нормальное» русло: подавлен пугачевский мятеж, машина времени взрывается, прежде чем «бесцеремонный Роман» успеет отправиться к Наполеону, и т.д. Если Первухин представляет жанр «чистой АИ», то Гиришгорн и др. меняют историю при помощи внедрения в нее человека из будущего – здесь очевидно влияние романа Марка Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» (1889), но с псевдонаучной мотивировкой, заимствованной из «Машины времени» Г.Дж. Уэллса (1895). Так же, как янки у Твена, Роман не только подстегивает технический прогресс, но и проводит социальные реформы, а в конечном счете подготавливает революцию. «Отмена» изменений в финале также восходит к Твену, но если у американского писателя социальная система оказывается сильнее реформатора и уничтожает его начинания, то у Гиришгорна и др. герой погибает, не успев даже начать изменения (которые могли быть вполне успешными), и АИ превращается в историческую фантазию, а мир авторов и читателей остается неизменным.

Итак, областью изменений в первый период развития АИ становятся прежде всего ближайшее прошлое и тот исторический материал, который уже был обработан классической литературой («Капитанская дочка», Война и мир»). Показательно, что аналогичные опыты делались тогда же и в других жанрах, что свидетельствует о глубокой связи АИ с общественным сознанием эпохи (ср.: культурные коды «Белой гвардии», социальный заказ на «красного Льва Толстого» и т.д.)

В период тотального господства вульгарного марксизма, когда из истории изгонялись личности, а оставлялись только производительные силы и производственные отношения, АИ исчезает из русской литературы и даже обычные исторические фантазии отходят на периферию (М. Зощенко, Д. Хармс). Только с изменением официальной политики в области исторической науки вновь появляются немногочисленные тексты, посвященные, что примечательно, одной и той же эпохе, вокруг которой шли активные дискуссии 1930-40-х гг., – рубежу XVI-XVII вв. [6]. Пьесы М. Булгакова «Иван Васильевич» (1936, опубл. посмертно) и Вс. Иванова «Вдохновение» (1940) представляют пародийное смешение времен (ср. традицию анекдотической истории с нарочитыми анахронизмами от сатириконовцев до Зощенко): люди 1940-х годов оказываются в прошлом, но, что бы они ни творили, изменить историю

они не могут. Булгаков и не ставил перед собой задачу создать АИ (Кемскую волость то ли отдали шведам, то ли нет, но в любом случае Иван Грозный ее отвоюет; характерно, что точное время действия комедии в принципе не может быть установлено). У Иванова один из персонажей конструирует для Лжедмитрия паровую технику, но никаких исторических катаклизмов это за собой не влечет – Самозванца свергают прежде, чем он успевает воспользоваться изобретением.

Второй этап развития АИ приходится на 1960-70-е годы, когда безусловно доминирует «псевдо-АИ». Это обусловили три определяющих фактора:

1) *Литературный генезис*. Чрезвычайно влиятельным текстом остается «Янки», к нему добавляются классический рассказ Р. Брэдли «И грянул гром», а также менее известные за пределами жанра НФ произведения Дж. Уиндема, А. Азимова и др. Все эти произведения описывают изменения истории, вызванные внешним фактором, – вмешательством из будущего. Отсюда становится очевидной –

2) *Жанровая принадлежность текстов*. В европейских и американских литературах жанр АИ восходит к историческим исследованиям и немиметической прозе и существует параллельно с ними (первый известный образец АИ содержится в «Истории» Тита Ливия; в 1931 г. была издана первая антология англоязычной АИ «Если бы это случилось иначе», куда вошли произведения известных писателей и историков, от Честертона до Черчилля). В русской же культуре «научной АИ» (контрфактической истории) не существовало вовсе, и «литературная АИ» после многолетнего перерыва вновь возникает в рамках научной фантастики, ее конвенций и традиций. Отсюда – необходимость псевдонаучного обоснования альтернативы, наличие параллельных миров, пришельцев из будущего и с других планет и т.п.

3) Однако наиболее важен был *идеологический контекст*. Снова и снова советская АИ утверждает принципиальную детерминированность истории. Один из сравнительно ранних и очень типичных примеров – роман А. и С. Абрамовых «Хождение за три мира» (1966), в котором путешествие по параллельным мирам представлено как доказательство правоты марксизма и опровержение религии (СССР существует во всех реальностях с небольшими топографическими различиями, вроде расположения памятника Пушкину в Москве; неизменным остается и набор персонажей, при всех отличиях индивидуальных судеб). Рассказ С. Гансовского «Демон истории» (1967) – уникальный случай в советской АИ, когда «наш» мир оказывается результатом модификации «исходной» истории, но все равно – без принципиальных отличий: человек из будущего убил в 1914 г. будущего фюрера, некоего Астера, но его место тут же занял Гитлер. Неудивительно, что в центре внимания

авторов АИ оказывается не собственно история страны или мира – якобы заведомо определенная и неизменная, – но изменения личных судеб. С другой стороны, проблематика изменения истории, правомерности вмешательства в исторический процесс становится одной из центральных в советской НФ, но без всяком привязки к АИ (особенно у А. и Б. Стругацких: история прохождения их текстов через цензуру свидетельствует об идеологическом хаосе 1960-е гг., когда вопрос о допустимости «экспорта революции» по-разному трактовался на разных уровнях партийного аппарата).

Именно идеологический фактор становится жанрообразующим – в том смысле, что советская АИ отрицает сама себя: внесение возмущений (в физическом смысле) должно показать, что они неизбежно затухнут, картина истории и картина мира не изменятся. Самый наглядный пример такого подхода – роман Л. Лагина «Голубой человек» (1966): смысл спонтанного путешествия героя в прошлое оказывается в том, чтобы он увидел Ленина и получил от него подтверждение необходимости борьбы с заранее известным результатом (оптимистическим, т.к. предопределенным теорией). В повести К. Сергиенко «Бородинское пробуждение» (1977), вновь обращенной к теме войны 1812 г., герой-наблюдатель в принципе не может ничего изменить – история мыслится в духе Л. Толстого как равнодействующая миллионов волей (но при этом вводится и мотив вечного возвращения: утверждается не цикличность истории, но повторяемость индивидуальных судеб). Пародией на такой подход стала поэма Д. Самойлова «Струфиан» (1974): вторжение фантастического (инопланетяне похитили Александра I) ничего не меняет, история идет известным нам путем. (По сути, Самойлов написал один из первых в русской литературе нового времени «криптоисторических» текстов, ставших популярными уже в 1990-е гг.)

О жанровой устойчивости АИ свидетельствует то, что первая «чистая АИ» в русской литературе со времен М. Первухина появляется из-под пера профессионального историка Н. Эйдельмана – глава «Фантастический (sic! – М.Н.) 1826-й» из книги «Апостол Сергей» (1975). Очерк о возможной победе декабристов нарочито обрывается в тот момент, когда должны начать присовываться следствия этой победы (не обязательно положительные).

Если опыт Эйдельмана может быть объяснен логикой исторического исследования (и безусловно важным для писателя антидетерминизмом пушкинской исторической прозы), то прямое влияние англоязычных образцов может быть предположено в случае В. Аксенова, чей «Остров Крым» (1981) стал первым художественным АИ-текстом за несколько десятилетий. За ним последовала повесть А. Гладилина «Французская советская социалистическая республика» (1985), действие которой, впрочем, по некоторым

признакам происходит в ближайшем будущем. Книги Аксенова и Гладили-на не были частью советского литературного процесса, но симптоматичным представляется то, что первый из этих писателей, так же, как и большинство авторов 1960-70-х гг., показал сводимость истории к уже известному, состоявшемуся варианту: Крым все-таки становится советским, пусть и через несколько десятилетий. По мнению И. Смирнова, в «Острове Крым» представлена «смерть неисторического прошлого – смыслообразующее начало в самых разных постмодернистских романах». Так же и «вторжение современности в уже состоявшийся исторический процесс [Смирнов подразумевает рассказ А. Битова «Фотография Пушкина», к которому мы обратимся далее. – М. Н.] ничего не изменяет в нем – минувшее как не-история делается не воплощаемым в жизнь» [4, 328]. Влияние постмодернистских практик в обоих случаях несомненно, как несомненно и глубокое идейное родство со всей традицией исторических фантазий в послевоенных НФ и АИ.

Третий период развития АИ – 1980-е годы, когда вариации на исторические темы продолжают создаваться в установленных идеологической и издательской практикой жанровых рамках, но с большей творческой свободой. Примерами могут служить формально относящаяся ко второму периоду повесть Г. Гуревича «Еслиада» (1979), в которой соединены едва ли не все топосы научно-фантастической АИ, о которых шла речь выше; повесть С. Гансовского «Побег» (1987), в которой возможность влияния частного лица на частных лиц, а через них на историю испытывается и традиционно отвергается; написанная под очевидным влиянием Стругацких повесть Л. и Е. Лукиных «Миссионеры» (1989) о неминуемой жестокости любой версии истории. Как и на предыдущем этапе, наиболее близким к «чистой АИ» оказывается текст специалиста-историка, экономиста А. Аникина: его повесть «Вторая жизнь» (1985) представляет два варианта событий после внезапной смерти Наполеона в начале 1812 г. (поход на Россию состоялся и не состоялся), причем в обоих случаях герои мыслят свой мир как единственно возможный, а историю – как жестко детерминированную.

Историко-фантастическая и альтернативно-историческая литература конца 1960-х – 1980-х гг. отчетливо показывает «болевы точки» общественного сознания. Первая из них вполне очевидна: Великая отечественная война. Об изменении ее хода речи, разумеется, нет, но снова и снова повторяется один сюжет: прошлое и будущее соприкасаются, и людям мирного времени приходится защищать свою родину, поскольку нравственная необходимость этого не берется под сомнение. Здесь заметно влияние повести Стругацких «Попытка к бегству» (1962), гораздо более сложной по проблематике. А вторая «болевая точка» показывает, как традиционный литературоцентризм

русской культуры постепенно распространяется на новые жанры: писатели снова и снова пытаются спасти Пушкина (А. Битов, 1987; Г. Почепцов, 1989; и вплоть до Т. Толстой, «Сюжет», 1991). В первых двух случаях Пушкин все равно гибнет, в третьем – не только остается жив, но и меняет всю дальнейшую историю. (Здесь можно усмотреть параллель – генетическую или типологическую с новеллой о старом Пушкине в «Даре» Набокова; Битов прямо ссылается на нее в одном из своих произведений). Наконец, отметим, что псевдопатриотический подъем 1970-х гг. породил лжеисторическую фантастику, утверждавшую невероятную древность русского народа («Ахилл» Ю. Никитина, 1985, и мн. др. [8]). Парадоксально, что фантастические тексты претендовали на художественное отражение подлинного историзма: новая концепция истории не предполагалась альтернативной, напротив, она должна была вытеснить предыдущую, якобы ложную. (Ту же функцию – замены читательской энциклопедии, только на уровне идеологии, а не одного лишь фактажа, - выполняет и новейшая «чистая АИ», к примеру, цикл Х. ван Зайчика «Плохих людей нет», 2000-2005).

Неудивительно, что подлинное развитие АИ начинается только во второй половине 1980-х гг., когда в жанре происходит переосмысление традиционных тем и проблем. О возможной победе декабристов без всякого пиетета перед «первыми революционерами» рассказывает «Роммат» В. Пьецуха (1989); невозможную, но желанную «идеальную» историю СССР с «добрым Сталиным» во главе излагает В. Рыбаков («Давние потери», 1989); в 1988-1990 гг. публикуется написанный еще в 1978-1983 гг. роман В. Звягинцева «Одиссей покидает Итаку», в котором вмешательство инопланетян (!) дает СССР преимущество в первые месяцы Великой отечественной войны. Советская история и те события русской истории, которые ее породили, начинают осознаваться как травма, но художественные и идеологические решения остаются по преимуществу в рамках прежней модели (запоздалое и упрощенное шестидесятничество, приведшее В. Рыбакова к идее имперского реванша).

АИ становится актуальна, поскольку сомнительной оказывается любая «официальная история». Не случайно именно в 1980-е гг. формируется концепция «новой хронологии» А. Фоменко. В качестве казуса приведем такой пример: фрагмент альтернативно-исторического романа В. Ерашова «Коридоры смерти» (1990) – указ о готовящейся депортации евреев весной 1953 г. – стал цитироваться в «исторической» литературе как подлинный документ [3, 238-240]. Потребность в новых художественных историософских моделях осмысления подлинного и возможного прошлого определяет развитие жанра АИ в 1990-е годы, что должно стать темой отдельного исследования.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Гуларян А., Третьяков О. Альтернативная история как системный индикатор социального дискомфорта // Русская фантастика на перекрестье эпох и культур: Материалы Международной научной конференции 21-23 марта 2006 года. – М.: Изд. Моск. ун-та, 2007. – С. 323-335.
2. Петухова Е., Черный И. Современный русский историко-фантастический роман. – М.: Мануфактура, 2003. – 136 с.
3. Сарнов Б. Империя зла: Судьбы писателей. – М.: Новая газета, 2011. – 480 с.
4. Смирнов И.П. Психодиахронологика: Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. – М.: Новое литературное обозрение, 1994. – 351 с.
5. Соболев С. Альтернативная история // Кан В., Окулов В., Соболев С. В иных временах. Из истории фантастической литературы. – М.: Изд. А. В. Воробьев, 2011. – С. 134–242.
6. Токарев В. Возвращение на пьедестал: тема русской смуты в социокультурном контексте 1930-х годов // День народного единства : биография праздника. – М. : Дрофа, 2009. – С. 303–335.
7. Хоксер. Что такое альтернативная история? – Режим доступа: http://samlib.ru/k/konkurs_a_i/chtotakoealxternatiwnajistorija-1.shtml
8. Шнирельман В. Возвращение арийства: научная фантастика и расизм // Неприкосновенный запас. – 2008 – № 6(62). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/6/sh7.html>
9. Doležel L. Possible Worlds of Fiction and History. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2010.
10. McHale B. Postmodernist Fiction. – London and New York, 1987.
11. Spedo G. The Plot against the Past: An Exploration of Alternate History in British and American Fiction. – Padova, 2008.
12. Wesseling E. Writing History as a Prophet: Postmodernist Innovations of the Historical Novel. – Utrecht, 1991.

Стаття надійшла до редакції 22.04.2013.

Назаренко М., к.філол.н., доц.,
Інститут філології КНУ імені Тараса Шевченка

«Альтернативна історія» у радянський період: генеза й динаміка жанру

У статті розглядається еволюція жанру альтернативної історії в російській літературі кінця 1910-х – початку 1990-х рр. і аналізуються фактори, які визначили її розвиток.

Ключові слова: альтернативна історія, криптоісторія, генезис жанру.

**Alternate history during the Soviet period:
genesis and dynamics of the genre**

The article deals with the evolution of the alternate history genre in the Russian literature of the late 1910s – early 1990s, and its shaping factors are defined.

Key words: *alternate history, cryptohistory, genre genesis.*

УДК: 811(477.62=14)ʹ37(045)

Найдьоновна Л.А., асп.,
Маріупольський державний університет

**РЕПРЕЗЕНТАЦІЯ КОНЦЕПТУ
«БОГ» В РУМЕЙСЬКИХ КАЗКАХ**

У статті оглядово розглянуті результати аналізу концепту «Бог» на матеріалі румейських народних казок. Концепт «Бог» у румейській мовній картині світу – це творець світу, найвища сутність, яка є складовою частиною життя румейів і відображає ментально-психологічну специфіку та ціннісну орієнтацію румейського народу.

Ключові слова: *концепт «Бог», концептосфера, мовна картина світу, румейі.*

Постановка наукової проблеми та її значення. Опис і дослідження концептів у сучасному науковому просторі викликає великий інтерес науковців. Концепт має складну структуру, тому на даний момент у науці не вироблено єдиний погляд на його складові компоненти. Концепти досліджують лінгвістика, лінгвокультурологія, лінгвоконцептологія та етнолінгвістика. За Д.С. Лихачовим концептосфера – це сукупність концептів однієї нації, вона створена усіма потенціями концептів носіїв мови [Лихачев 1997, 4]. Певна мовна особистість має свою індивідуальну концептуальну картину світу. Таким чином індивідуальні особливості сприйняття народом навколишнього середовища розкриваються в інтерпретації базових концептів.

Метою статті є опис лексичної реалізації одного з ключових концептів сучасної лінгвістики – концепту «Бог». Концепт «Бог» є однією з найважливіших культурних універсалій, основа всіх світових релігій. Кожна культура по-різному розуміє Бога, але для кожної його існування є значущим. У зв'язку з цим концепт «Бог» належить до базових концептів ментальної сфе-